
СРЕДНИЙ КЛАСС В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗАДОРЕНКО Ольга Вячеславовна, аспирантка кафедры экономической теории и экономических методов управления, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

*Россия похожа на человека с превосходным мозгом,
не способным, однако, регулировать жизненные
функции организма. Люди рождающегося среднего класса –
возможно, одна из тех сил, которые смогут устранить
этот разрыв, восстановить утраченную
связь мысли и социально-исторического действия.
Г.Г. Дилигенский*

Проблема осмысления роли среднего класса в обществах, которые трансформируются в рыночные системы, является как важная и актуальная, так и исследуемая периодически. Основные работы написаны на самом стыке XX и XXI веков, что вполне понятно: это был период первичного осознания тех процессов, которые произошли за первые десять лет рыночных реформ в постсоветских странах, и поиска того класса или слоя, который бы стал массовым преобразователем социально-экономической действительности. Среди исследователей, занимавшихся анализом среднего класса, следует назвать имена Е.М. Авраамовой, Е.М. Воробьева, В.И. Бакштановского, Р.Г. Громова, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, В.И. Пантина, Ю.В. Согомонов, Е.Н. Старикова, Н.Е. Тихоновой и др. Особо следует отметить Г.Г. Дилигенского, монографию которого «Люди среднего класса» можно считать наиболее фундаментальным исследованием, но ее главный акцент все же находится в социологической области научного анализа.

В последние два года в научном направлении анализа среднего класса образовалось некое «затишье», что, видимо, свидетельствует о необходимости поиска новых методологических подходов в исследовании данного феномена. Этой проблеме посвящена данная статья.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на отсутствие в современной литературе единого понимания того, что собой представляет средний класс, кого относить к нему, на основании каких – качественных или количественных критериев. Впрочем, среди исследователей существует почти единогласное мнение, что именно средний класс должен стать основным социальным слоем, поддерживающим рыночные реформы, а также основанием социальной стабильности в развитии транзитивного общества.

Исходным методологическим принципом, на наш взгляд, является то, что сама категория «средний класс» является, с одной стороны, понятием научного анализа, с другой – некой идеологической максимой, которая выражает стремление к идеальному, нормативному состоянию общества, развивающегося более-менее органично, без острых конфликтов и социальных взрывов. Навязанная сознанию общества, данная категория больше имеет осмыслительный характер, нежели отражает нечто целостное из реальной действительности. Она по самой своей природе внутренне противоречива, ибо интересы и цели, ценности и ментальность, самоидентификация и место в будущем развитии экономики и общества разных людей, которых исследователи искусственно объединяют под названием

«средний класс», весьма различны и противоречивы. Поэтому любое определение данного класса весьма условно и всегда требует своей конкретизации в применении к социально-экономическим, культурным, географическим, цивилизационным и иным условиям проживания людей. Но, тем не менее, наукой и обществом принято понятие среднего класса, а поэтому исследовать ту реальность и те отношения, которые оно отражает, весьма полезно и целесообразно с точки зрения изучения конкретного общества, его социально-экономических оснований и возможных путей гармоничного развития.

При этом сразу же стоит указать, что само понятие среднего класса в большей степени принадлежит к количественному направлению анализа общества, который свойствен неоллиберализму с его ориентацией на успех как получение большего дохода, прибыли, прироста материального и денежного богатства. «Поскольку в капиталистическом обществе общим мерилем всех объектов человеческих притязаний являются деньги, мера успеха в конкуренции определяется не качественными и функциональными показателями, как при сословном строе (например, «дворянин», «крестьянин», «купец» и т. д.), но количественными – по шкале «больше – меньше». Причем это количественное понимание социальных реалий отнюдь не сводится только к определению статусов по размерам богатства», - писал Г.Г. Дилигенский [5, с. 8]. Тем самым он обратил внимание на то, что образ социальной структуры общества выстраивается в виде строго вертикального континуума, в котором отсутствуют какие-либо разрывы и каждая точка в принципе имеет числовое значение [там же]. Но поскольку в теории всегда (согласно аристотелевской логике, а затем и диалектике) выделяются диаметрально противоположности – «большее» и «меньшее», «высшее» и «низшее», то исследование целостности не может не рассматривать то, что находится в разрыве между этими противоположностями. Применительно к социальной сфере общества, состоящего из высших и низших слоев (классов), необходимо было ввести нечто срединное, что и получило название среднего класса, т. е. такого, который находится *между* высшим и низшим классами. В этом случае ликвидируется разрыв в познании, который не вписывается в научную потребность отражения целостной социальной реальности.

Отсюда вытекает, что «человек середины» – тот стержень, на котором держится все», «средний... означает опорный класс... Класс, который не может податься ни «влево», ни «вправо»... Человек среднего класса определил свои потребности и не по минимуму, и не по максимуму, а по критерию необходимого и достаточного. Он не хочет быть Ротшильдом, Хантом, но и оставаться всю жизнь рабочим на буровой, наверное, тоже не хочет, как и подчиняться, ходить строем... Я ищу природу среднего класса в степени свободы» [2, с. 88, 89, 94]. Но «степень свободы» также укладывается в количественную шкалу «больше – меньше».

Специфика исследований среднего класса в последние годы проявилась в том, что авторы весьма неохотно дают его определения. В большинстве опубликованных работ ученые ограничиваются каким-то одним или несколькими побочными характеристиками того, что они называют средним классом и далее рассуждают об отдельных аспектах проблемы его становления или функционирования. Так, к примеру, Т. Космарская в начале своей статьи пишет, что «марксистско-ленинская исследовательская традиция под средним классом понимает мелкого и среднего собственника, и при таком подходе размер собственности и отношение к ней определяют параметры стратификации общества. Подавляющее большинство нынешних демократов также видят средоточие среднего класса в малом бизнесе» [10, с. 88]. Вместе с тем указывая, что экономическая социология при всем ее гносеологическом многообразии выделяет пять групповых признаков среднего класса: уровень образования, уровень дохода, самоидентификация, тип потребления, обеспеченность жильем, она далее обосновывает, что в настоящее время выделить российский средний класс на основании этих критериев не представляется возможным, ибо невозможно подсчитать реальные доходы [10, с. 89-90].

Е.М. Аврамова также не приводит определения среднего класса, исходя из того, что «еще не выработано какое-либо единое конвенциональное понимание того, кто сегодня составляет средний класс в России. Выделяются несколько тем, в отношении которых ведутся наиболее острые и длительные дискуссии» [1, с. 17]. Но все же при рассмотрении различных подходов к исследованию среднего класса она приводит некоторые промежуточные его определения: «средний класс – работники, занятые квалифицированным нефизическим трудом, а также фермеры, при этом выделяются: «традиционные» средние слои, которых представляют мелкие частные собственники (занятые в мелком и среднем бизнесе, фермеры); «новые» средние слои, которых характеризует, скорее, интеллектуальная собственность, навыки сложной трудовой деятельности, что связано с переходом от индустриальной к постиндустриальной стадии развития, к информационному обществу (менеджеры, творческая интеллигенция, лица свободных профессий, служащие, высококвалифицированные работники)» [1, с. 20].

Л. Григорьев и Т. Малева пишут, что «средний класс в нормальной рыночной экономике – основной налогоплательщик, от экономического положения которого зависят инвестиционная активность населения, состояние государственного бюджета, реализация государственных социальных программ и другие важнейшие социально-экономические процессы» [4, с. 45], а также это определенная социально-экономическая и социопсихологическая общность (образование) [4, с. 53], которое должно соответствовать ряду признаков, которые и стали предметом анализа авторов.

Голенкова З.Т. и Игитхян Е.Д. пишут, что «средний класс в структуре развитых капиталистических стран представляет собой совокупность социальных слоев, занимающих промежуточное положение между основными классами (высшим и низшим) в системе социальной стратификации, характеризуется неоднородностью, противоречивостью интересов, сознания и политического поведения» [3, с. 44]. В обществах, которые пока не приобрели четких контуров социально-слоевой структуры, по их мнению, к средним (срединным) слоя «можно отнести тех, кто по своим социальным позициям, безотносительно того, какую отдельную группу он представляет, занимает срединное положение в социальной вертикали» [3, с. 48].

Весьма интересную и в определенной мере новую позицию занимают авторы монографии «Средние классы в России». Главное в исследовании рассматриваемой проблемы они видят в том, что *«среднего класса как единого целого попросту не существует* – ни с точки зрения сходства социально-экономических позиций (профессии или стиля жизни), ни с точки зрения общего мировоззрения, ни с точки зрения единообразного поведения (например, голосования за определенный политический блок). Вдобавок все эти точки зрения уводят нас в разные стороны. Отдельные параметры средних слоев, конечно, могут и должны пересекаться, но надежды на получение единой стройной картины в принципе нет» [12, с. 16]. Единство, по их мнению, возникает лишь в идеологическом поле, ибо *«средний класс – это новый (для нас) социальный миф»*, т. е. «средний класс» – категория идеологическая», которая, в основном, отражает *«то, чем должна стать основная масса населения»*, *«идеализированный образ будущих членов общества»*, стремление *«жить так, как живут на Западе»* [12, с. 16, 17]. Далее авторы обосновывают свой подход к анализу посредством того, что вводят категорию «средние классы» и исходно считают, что «средние классы – не единая группа, а совокупность разнородных групп, каждая из которых выделена по определенному критерию. Эти группы взаимно пересекаются, но никогда не совпадают» [12, с. 30-31] и говорят о *невозможности* описания средних классов *одним интегральным критериальным признаком*. Средние классы представляют собой социальную совокупность, характеризующуюся цепочкой признаков, которые включают:

- *материальные ресурсные признаки* – уровень доходов (расходов, потребления), объем накопленных сбережений, уровень имущественной обеспеченности;

- *нематериальные ресурсные признаки* – уровень образования, профессионально-квалификационная позиция, должностная позиция;

- *признаки социального самочувствия (самоидентификация)* – стратегии успешного экономического поведения, самооценки успешности адаптации к новым экономическим условиям, самооценки комфортности нынешней жизни и пр. [12, с. 31].

Вывод из такого подхода сводится к тому, что «социальные группы, составляющие средний класс, характеризуются разным уровнем концентрации признаков. В соответствии с этой гипотезой средние классы могут быть стратифицированы по уровню концентрации доминантных признаков» [12, с. 31].

Такой подход, видимо, можно трактовать как расширение и углубление более общего подхода, обоснованного Торкановским Е.П. в монографии «Россия – 2015: оптимистический сценарий»: «Критерии отнесения к среднему слою должны включать как ценности материального порядка, так и высокую общую культуру и квалификацию, самоутверждение и самоудовлетворение в деловой жизни как главные составляющие гражданской самодеятельности» [11, с. 245].

Вместе с тем, существует убежденное мнение, что средний класс существует, он не является неким мифом. Так, А.Г. Здравомыслов в ходе дискуссии, организованной Российским независимым институтом социальных и национальных проблем обосновал мысль, что «существование среднего класса в настоящее время не вызывает каких-либо сомнений» и споры должны вестись не о большей или меньшей «полноценности» среднего класса, которые не имеют общего смысла, акцент должен быть перенесен на изучение происходящих в среднем классе процессов [7, с. 34].

Все это говорит о том, что, во-первых, проблема исследования феномена «средний класс» для транзитивных обществ является чрезвычайно актуальной, ибо речь идет об их стабильном функционировании и последующем развитии, социальная база которого находится в формате среднего класса.

Во-вторых, хотя сам термин «средний класс» вызывает у некоторых авторов неодобрительные эмоции, все же теория социальной стратификации продолжает оставаться одним из важнейших научных инструментов изучения современного общества и его структуры.

В-третьих, категория «средний класс» является интегральной, обобщающей те социально-экономические проблемы, которые наблюдаются и требуют своего практического решения в срединном слое общества, т. е. тех людей, которые находятся «в интервале» между высшим и низшим слоями социальной структуры общества.

В-четвертых, внутренняя разнородность самого среднего класса ставит необходимость изменения методологических подходов к его изучению: выделение в нем разных слоев по различным критериальным признакам становится необходимым, но не достаточным условием для принятия государственных хозяйственных решений относительно разрешения накопленных проблем и социально-экономических противоречий.

В-пятых, наличие разных слоев в структуре среднего класса позволяет его определить лишь в наиболее общем виде, а это общее определение всегда должно уточняться, развертываться и углубляться с учетом конкретных социально-экономических реалий и задач научного исследования рассматриваемого общественного феномена.

Теперь остановимся на некоторых более узких аспектах исследования среднего класса.

Все приведенные определения среднего класса имеют некий *относительно-собираемый* характер на основании выделения *критерия* какого-то *общего признака*, которым, как правило, выступает получение среднего дохода. В экономическом плане, оставаясь в традиционной системе экономических координат, такой подход является обоснованным. Но...

Переход к постнеклассической науке, которая отражает четвертую научную революцию [см. 6; 13], и требует рассматривать любой объект современного научного исследования как человекоразмерный комплекс, требует изменения критерия осмысления и

выделения среднего класса. В этой связи критерий получения среднего дохода становится *одним из* критериев, наряду с которым существуют и другие. И в плане хозяйственного развития они приобретают даже более весомую значимость, нежели указанный критерий. Это также связано с тем, что в мире формируется экономика знаний, а знания имеют иную природу, нежели вещи: они идеальны и их производство и потребление происходит по другим законам, чем производство и потребление материальных вещей. Поэтому важнейшим критерием выделения среднего класса в экономическом аспекте становится уже не просто получение дохода, а именно тот способ и средство, которое позволяет получать доход даже прямо не заботясь о его величине. Речь идет о том, что определяющим социальным противоречием уже является противоречие между материально и нематериально мотивированным работником. Это противоречие обоснованно раскрыл В.Л. Иноземцев. Он пишет, что «происходящая трансформация делает всех, кто находит на своем рабочем месте возможности для самореализации и внутреннего совершенствования, выведенными за пределы эксплуатации. Круг этих людей расширяется, в их руках находятся знания и информация - важнейшие ресурсы, от которых во все большей мере зависит устойчивость социального прогресса. Стремительно формируется новая элита постэкономического общества. При этом социальный организм в целом еще управляется методами, свойственными экономической эпохе; следствием становится то, что в пределах этого расширяющегося круга «не работают» те социальные закономерности, которые представляются обязательными для большинства населения. Общество, оставаясь внешне единым, внутренне раскалывается, и экономически мотивированная его часть населения все более остро ощущает себя людьми второго сорта; выход одной части общества за пределы эксплуатации оплачивается обостряющимся ощущением подавления другой его составляющей» [8, с. 565].

Это говорит о том, что при переходе к экономике знаний происходит кардинальная трансформация, связанная с мотивировкой деятельности работников, которая становится первичной по отношению к получаемому доходу. Иными словами, достойный доход может получить только тот работник, который мотивируется не самим доходом, стремлением к его максимизации, а получением современного знания и необходимостью его использования в производственном процессе. Тем самым главным мотивом становится самосовершенствование и самореализация. У человека, обладающего знаниями, материальный стимул не является актуальным, хотя в условиях существования товарно-денежных отношений, а особенно на стадии рыночной экономики, он сохраняется как элемент фундаментальной структуры человеческих мотивов. Но главным мотивом, определяющим актуальную структуру деятельности, становится потребность в саморазвитии и самореализации. Доход здесь как бы вторичен: он «приходит» сам собой в результате самореализации работника. У работника простого труда, который имеет одну из традиционных профессий, нет насыщения материальных потребностей, и удовлетворение этих потребностей является как целью, так и основным мотивом. Но в новой экономике, где массовое производство механизировано и автоматизировано, где работник как собственник знаний интересуется фирму, прежде всего, деятельность мотивированная не утилитарно (даже если она и имеет материальное основание), дает возможность удовлетворить и материальные, и социальные, и духовные потребности. При этом именно удовлетворение социальных и духовных потребностей оказывается более актуальным, нежели удовлетворение потребностей материальных: последние удовлетворяются автоматически, если удовлетворяются социально-духовные. В противоположность этому, деятельность, внешне мотивированная – денежным доходом и материальным вознаграждением, лежащими за пределами самой деятельности, не только не создает возможности удовлетворения более высоких потребностей, но и не удовлетворяет полностью и материальных, т. е. первичных потребностей.

Такая ситуация проявляется в том, что, с одной стороны, растет независимости работника, владеющего знаниями и информацией; с другой – для работника

индустриального типа закрепляется и усиливается зависимость от работодателя, что позволяет последнему снижать доходы работника. Этому же способствует наличие безработицы среди носителей традиционных профессий: при несогласии на меньшую оплату работника просто увольняют, так как существуют другие, согласные хоть на какую-то оплату такого же труда.

Независимость «знаниеемного» работника обусловлена его непосредственным соединением с основными современными средствами производства – его знаниями и информацией, которые неотделимы от самой его личности. Оплата его труда существенно возрастает автоматически: в нем «происходит» стирание границ между рабочим и свободным временем, поскольку его рабочее время начинает во многом совпадать с его свободным, используемым на саморазвитие, временем, как и обратно – свободное время зачастую используется таким работником для работы.

Эти изменения весьма важны для современного понимания того, кто может получать достойный, т. е. средний доход в условиях формирования экономики знаний. К среднему классу вряд ли возможно сегодня относить тех, кто ориентируется на господствующие в прошлом мотивы, которые его «опускают» по шкале получаемого дохода. Здесь наблюдается переход от чисто количественных критериев определения принадлежности к среднему классу к качественным критериям, ибо не количество заработка, дохода играет первую роль, а *качество* того ресурса, который реализует человек в производительном процессе.

«Класс интелтуалов» и «низший класс», которые используются в анализе постиндустриального общества предполагают наличие и среднего, т. е. промежуточного класса между ними, члены которого находятся в неустойчивом положении. Эта неустойчивость объясняется тем, что они могут посредством получения образования и саморазвития пополнить класс интелтуалов, а могут «скатиться» в низший класс. В постсоветских обществах пока наблюдается, скорее, вторая тенденция. Но в целом такая тенденция сохраняется и в развитых странах. Здесь можно привести обоснованное мнение В.Л. Иноземцева о социальной структуре постиндустриальных обществ. Он пишет, что относя к классу интелтуалов «наиболее высокообеспеченные 20 процентов населения, мы считаем возможным разделить оставшиеся 80 процентов на две неравные группы: одна из них представляет собой «низший класс», куда входит 13-15 процентов населения, находящегося за гранью бедности (сюда включаются и представители деклассированных групп), а также около 15 процентов населения, чьи доходы не превышают половины среднего дохода современного наемного работника. Оставшиеся 50 процентов и формируют сегодня тот средний класс, который в ходе становления информационного хозяйства подвергается активной дезинтеграции, в результате которой большая его часть переходит в имущественный слой, близкий к низшему классу, а относительно немногочисленная популяет высшие страты общества» [9, с. 191]. Поэтому изучать происходящие процессы становления постиндустриальных тенденций важно и с точки зрения тех явлений, которые происходят в среднем классе. Это позволит украинскому государству научно обоснованно проводить социально-экономическую политику, которая закладывает будущее страны и ее населения.

Таким образом, изложенное выше позволяет сделать два важных в методологическом плане вывода, которые касаются направлений дальнейших исследований среднего класса в трансформирующемся обществе. Во-первых, средний класс нельзя сводить только к мифу, идеологеме, а необходимо анализировать его в содержательном плане, который бы позволил целостно воспроизводить реальность трансформационных процессов в Украине, учитывая наиболее существенные тенденции развития современного человеческого общества.

Во-вторых, важнейшим методологическим моментом, который вытекает из недостаточности имеющегося в публикациях относительно-собирающего критерия выделения среднего класса, является наметившееся изучение реальной градации внутри самого среднего класса. С одной стороны, в этом следует видеть применение все того же

количественного подхода, который требует устранения разрывов между разными слоями, причисляемыми к среднему классу. С другой стороны, в этом выделении слоев в среднем классе наблюдается стремление каким-то образом упорядочить знания об «этом рыхлом несформировавшемся квазислое» (Т.И. Заславская), прежде всего, за счет введения в научный анализ качественных критериев, которые характеризуют разные качественные определенности каждого выделяемого слоя среднего класса в социально-экономическом развитии.

Литература.

1. Авраамова Е.М. Формирование среднего класса в России: определение, методология, количественные оценки // *Общественные науки и современность*, 2002, № 1. – С. 17-24.
2. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Городские профессионалы: ценности и правила игры среднего класса. – Тюмень, 2000.
3. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Средние слои в современной России (опыт анализа проблемы) // *СОЦИС*, 1998, № 7. – С. 44-53.
4. Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // *Вопросы экономики*, 2001, № 1. – С. 45- 61.
5. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.
6. Задорожный Г.В. Узловые векторы современных экономико-теоретических исследований // *Экономика и кибернетика в начале XXI века*. – Харьков: ХНУ, 2005, - С. 5-85.
7. Здравомыслов А.Г. Несколько замечаний по поводу дискуссии о среднем классе // *Средний класс в современном российском обществе*. – М., 1999.
8. Иноземцев В.Л. Расколотаая цивилизация: Научное издание. – М.: «Academia» - «Наука», 1999. - 724 с.
9. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
10. Космарская Т. Средний класс и социальная политика // *Вопросы экономики*, 1998, № 7. – с. 88-97.
11. Россия – 2015: оптимистический сценарий / Под ред. Л.И. Абалкина. – М.: ММВБ, 1999. – 416 с.
12. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е.М. Авраамова и др.; Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003. – 506 с.
13. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: «Прогресс-Традиция», 2000. – 744 с.

Поступила в редколлегию 24.09.2005 г.

© Задоренко О.В., 2005